

ОБРАЗ СЕРБОВ В РАБОТАХ И. П. ЛИПРАНДИ 1830–1860-х годов

XIX век стал временем становления национального самосознания славянских народов. В свою очередь этот процесс способствовал формированию различных национальных и наднациональных проектов интеграции. Панславистские теории, питаемые представлениями о славянском братстве, получили широкое распространение среди славянских народов. Между тем само понятие славянской взаимности в разных культурных полях имело различные коннотации¹.

Во второй половине XIX в. в России, в частности, получил распространение так называемый «имперский» или «русский» панславизм, к его сторонникам можно отнести целый ряд общественных, политических и военных деятелей (В. И. Ламанский, Е. И. Классен, Ф. Л. Морошкин, Г. Крестович, Д. М. Иловайский, А. Ф. Вельтман, Ф. И. Тютчев, М. С. Черняев, Р. А. Фадеев, И. П. Игнатьев и др.). Сам по себе имперский панславизм представлял не монолитную идеологию, но скорее совокупность воззрений, идеологем, во многом определявшихся сложившейся политической конъюнктурой. Однако все эти разрозненные взгляды объединяло общее представление о тождественности интересов всего Славянства с интересами Российской империи. Таким образом, славянство становилось единым субъектом исторического развития, который только в силу случайности не представлял единого политического тела. Сторонники имперского панславизма фактически переосмыслили аллегория Яна Коллара², где славянство уподоблялось дереву, а каждый народ считался отдельной ветвью, и ствол этого дерева отождествлялся с русским народом. Россия и Славянство были синонимами, а потому единственно правильный путь развития любого славянского народа пролегает в фарватере интересов российской политики.

¹ Павленко О. В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15; Белов М. В. Перекрестная история «славянской взаимности» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 51–62; Arato E. The Slavic Thought: Its Varieties with the Slavonic Peoples in the First Half of the 19th Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 22. No. 1/2. P. 73–98.

² Титова Л. Н. Ян Коллар о славянах // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 188.

Однако как можно было описать славянский народ, если его национальные интересы расходились с политикой Российской империи? Стремясь к созданию общеславянской империи, сторонники русского панславизма сталкивались не только с абстрактными построениями чешских и словацких интеллектуалов, но и с конкретными программами получивших самостоятельность славянских государств, политика которых шла вразрез с теориями сторонников имперского панславизма и с интересами России. В этом вопросе показателен пример сербов — первого славянского народа, сумевшего возродить свою государственность.

Изначально российские элиты рассматривали Сербию как плацдарм для распространения влияния империи на Балканах. Однако вскоре сербские князья стали предпринимать попытки дистанцироваться от могущественной покровительницы и начали ориентироваться на западные страны (уже князь Милош Обренович налаживал контакты с Англией). Внешнеполитические шатания сербского правительства отразились на образе всего сербского народа. Конечно, существовали отдельные группы интеллектуалов, связанные с М. П. Погодиным, славянофилами и некоторыми представителями академического славяноведения, для которых политика не являлась критерием «братскости» народа³. Для сторонников же имперского панславизма подобное отношение сербского правительства к своей покровительнице расценивалось как предательство общеславянских интересов, и в их работах сербы наделялись чертами инаковости и определялись как пограничная группа между Славянством и Западом, но не причастная ни к первому, ни ко второму.

Рассмотрим причины и средства актуализации инаковости сербов в нарративе российского панславизма второй–третьей четверти XIX в. на примере работ Ивана Петровича Липранди (1790–1880), военного и государственного деятеля Российской империи.

Липранди посвятил изучению балканских народов более 50 лет: первые его сочинения были опубликованы в 1820-е гг., а последние — в конце 1870-х. Его ранние труды являются одним из ярчайших образцов «практического» или «служебного» славяноведения⁴, и в них абсолютно отсутствуют мотивы объединения славян. Тем не менее, в начале 1850-х гг., когда после поражения в Крымской войне российские власти начали активно поддерживать идеи славянской взаимности, Липранди также обратился к панславистской риторике. Было бы слишком поспешным объяснять это одним только приспособленчеством к изменившейся политической конъюнктуре. Вероятно, здесь сыграли определенную роль и личные связи Липранди с идеологами русского панславизма (в частности, с А. Ф. Вельтманом) и общие настроения в обществе, царившие в послевоенное время.

Конечно, самого Липранди трудно назвать сколько-нибудь значимым идеологом имперского панславизма, однако уже в середине XIX в. он транслировал его основные

³ Тесля А. «Славянский вопрос» в публицистике М. П. Погодина 1830–1850-х гг. // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1. С. 122; Цимбаев Н. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 2013. С. 7–74.

⁴ Иицутин В. В. Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 92; Белов М. В. На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешествий на Балканы первой половины XIX века // Открытие «братьев-славян»: Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., 2018. С. 572.

тезисы военным и политическим верхам Российской империи, а в 1860–1870-е гг. — широкой общественности. Впервые Липранди обратился к изучению балканских народов во время службы во 2-й армии на Юге России⁵ — в начале 1820-х гг. Он совершал частые поездки по Балканам, в ходе которых собирал информацию о дорогах, крепостях, населенных пунктах и налаживал агентурную сеть. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. под его началом находился отряд из 1200 человек, преимущественно представителей балканских народов, который обеспечивал охрану коммуникаций российской армии. Параллельно с ведением боевых действий занимался Липранди и «полевыми исследованиями» — на месте собирал информацию об истории, фольклоре, народных верованиях, медицине балканских народов. Личные наблюдения дополнялись информацией из книг — Липранди собрал крупнейшую в Европе коллекцию трудов об Османской империи, насчитывающую 6000 томов. В начале 1830-х гг. Иван Петрович пришел к необходимости систематизировать накопленные знания и начал составление энциклопедического словаря «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи», который был закончен в 1836 г. и занимал 8000 рукописных листов. Словарь послужил основой для написания многих последующих работ Липранди. К сожалению, окончательная редакция этого беспрецедентного труда до сих пор не обнаружена, однако в архиве хранится множество редакций, которые позволяют достаточно полно осветить интересующий нас вопрос⁶.

Большую часть своих разысканий Липранди провел в ходе масштабных работ по изучению европейских областей Османской империи, инициированных П. Д. Киселевым во 2-й армии⁷. Их целью было накопление «положительных» знаний о Балканах и народах их населяющих, чтобы в случае новой войны с Турцией облегчить продвижение российской армии. Добытые сведения Липранди облекал по большей части в форму служебных записок для вышестоящего начальства: для генерала И. В. Сабанеева, генерал-майора М. Ф. Орлова, князя М. С. Воронцова. Современники считали Ивана Петровича одним из крупнейших специалистов XIX в. в области европейских областей Османской империи. В преддверии Крымской войны именно к нему обратился И. Ф. Паскевич за информацией о балканских народах. Многие деятели науки и культуры, в частности А. Ф. Вельтман, А. С. Пушкин, Ф. Ф. Вигель, В. Богишич, В. И. Григорович, обращались к Липранди за сведениями об истории, культуре, языке народов европейской Турции. Наконец, о высокой оценке современниками деятельности Ивана Петровича свидетельствует тот факт, что в 1866 г. он стал членом Общества истории и древностей Российских, которое опубликовало многие его работы.

В 1820–30-е гг. Иван Петрович являлся сторонником идей государственного варианта Просвещения, основы которого в российском обществе были заложены в период правления Екатерины II⁸. Придерживаясь линейной концепции развития человечества

⁵ Липранди И. П. Оттоманская империя: Подробное описание сего государства... Введение // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 673. Оп. 1. Д. 217. Л. 5 об.–6.

⁶ Большая часть материалов сейчас хранится в РГИА: Ф. 673. Оп. 1. Д. 138–165, 166–171, 172–199, 200–208, 209–214, 215–216.

⁷ Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 192–201.

⁸ См.: Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004; Marker G. The Westernization

от дикости к цивилизации, Липранди по ряду критериев определял ступень развития того или иного народа. Среди этих критериев были как традиционные (например, уровень распространения грамотности, развития экономики, социальных и политических институтов), так и свойственные в большей степени российскому Просвещению (уровень развития военного дела, стабильность политического режима, отсутствие смут и мятежей)⁹.

В первой половине XIX в. существовало как минимум два дискурса, в рамках которых происходило описание южнославянских народов. В рамках одного – условно дискурса «Османской империи» – определение «Свой–Другой» совпадало с государственной принадлежностью, и, таким образом, южные славяне, будучи подданными турецкого султана, становились «Другими». Второй — это дискурс «Славянства», в его рамках славяне маркировались в качестве «Своих» на основании этнического, конфессионального и языкового родства¹⁰. Более того, в них видели хранителей славянской древности, их называли то «славяно-спартанцами», то богатырями.

В сочинениях Липранди, созданных в 1820–30-х гг., сербы предстают «восточным», то есть варварским народом, но, тем не менее, автор не отказывал им в возможности, приобщившись к просвещению, занять место среди народов «цивилизованных». В энциклопедическом словаре «Опыт словоистолкователя...» Сербии посвящена пространная статья «Сырф Вилаети». Описывая историю Сербии и ее современное состояние, Липранди рисовал в целом положительный образ молодого княжества. С одной стороны, сербы — это первый славянский народ, сбросивший иго поработителей. Исследователь пророчил им светлое будущее, в котором Сербия могла бы стать центром освобождения и объединения южнославянских земель. В то же время, он указывал, что за 500-летний период турецкого владычества сербы переняли множество «восточных» черт, которые предстоит изжить, если они действительно стремятся стать просвещенным народом.

Подобная двойственность отмечается в описании всех сфер жизни сербов. Например, от других южнославянских народов сербов отличало множество положительных качеств: они были отважны и находчивы, легко переносили трудности, сохранили «чистоту нравов, гостеприимство, почитание старших и непритворную дружбу». В то же время, Липранди писал, что сербы переняли у своих бывших господ многие отрицательные качества: они были суеверны, легко поддавались «паническому

of the Elite, 1725–1800 // *A Companion to Russian History*. Chichester, 2009. P. 180–195; *Omel'chenko O. A. The System of State and Law in Eighteenth-Century Russia and the Political Culture of Europe: Some Historical Interactions // The Slavonic and East European Review*. 2002. Vol. 80. № 2. P. 217–233.

⁹ О роли военного дела в определении «Другого» в российском нарративе см.: *Таки В. Царь и Султан. Османская империя глазами россиян*. М., 2017. С. 119–167; *Taki V. 1) Orientalism on the Margins: The Ottoman Empire under Russian Eyes // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. № 2. P. 321–351; 2) *From partisan war to the ethnography of European Turkey: The Balkan career of Ivan Liprandi, 1790–1880 // Canadian Slavonic Papers*. 2016. Vol. 58. № 3. P. 257–285.

¹⁰ Об этом см.: *Касаткин К. А. Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в. // Славянский альманах*. 2017. № 1–2. С. 237–246.

страху», легковерны, «как скоро прельщают их обещаниями — или рассевают между ними несогласие и ропот»¹¹.

Турецкое влияние оставило след в сербском языке. Автор сетовал, что сербы не знали исконных названий многих вещей, а вместо них использовали турецкие заимствования. Он предлагает изучить древние рукописи и возродить в качестве литературного «славянский язык сербского наречия»¹², который должен стать объединяющим фактором для южнославянских народов. Здесь обнаруживается — проявившееся впоследствии в радикальных формах — неприятие Липранди национальных проектов славянских народов. Он крайне негативно относился к языковой реформе Караджича и утверждал, что попытка утвердить «сербско-турецко-немецко-венгерский язык» в качестве литературного приведет к отрыву сербов от остальных славянских народов.

В эти годы Липранди с восхищением отмечал, что, несмотря на беспрерывные внутренние раздоры и внешнее давление, сербы смогли сбросить турецкое ярмо и возродить свою государственность. И теперь Сербии предоставилась удачная возможность, находясь в безопасности под покровительством России, начать проведение необходимых реформ. Отметим, что Липранди усиленно подчеркивает роль России, которая добилась гарантий для Сербии в статьях Бухарестского и Адрианопольского мирного договора. И пусть границы княжества намного меньше, чем были в Средние века, но их неизменность обеспечивалась силой и авторитетом России.

Иван Петрович с недоверием относился к представительным органам. Сербскую Скупщину он сравнивал с польским Сеймом, в котором государственные вопросы решались не на основе «благоразумнейших советов», но путем насилия, подкупа или интриг¹³. Абсолютная власть просвещенного монарха, по мнению исследователя, должна была положить конец борьбе между отдельными партиями, предотвратить закулисные козни и открытую резню конкурентов, и способствовать проведению быстрых и эффективных реформ.

Липранди полагал, что первые правители Сербии многое сделали для благоустройства княжества: открылись школы и типографии, была организована полиция, постепенно создавалась система государственного управления, появились зачатки регулярной армии, были расчищены многие сельскохозяйственные земли. Но своего просвещенного монарха княжество еще не получило, Липранди надеялся, что им станет один из наследников Милоша Обреновича.

По мнению исследователя, Сербия обладала огромным потенциалом — в ее распоряжении были богатые земли для развития сельского хозяйства и широкие возможности для развития торговли. Однако княжество «всею отношением может еще почитаться за страну дикую»¹⁴, отмечал Иван Петрович. Здесь отсутствовали дороги и крупные города, совершенно были не развиты мануфактуры. Не могло молодое государство похвастаться и высоким уровнем образования, так как неграмотными оставались даже политические и военные лидеры¹⁵.

¹¹ Липранди И. П. Опыт словоистолкователя Турецкой империи... Сербия // РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 154. Л. 169.

¹² Там же. Л. 172 об.

¹³ Там же. Л. 155 об.

¹⁴ Там же. Л. 151.

¹⁵ Там же. Л. 171–171 об.

Липранди высоко оценивал военный потенциал сербов. Он был далек от гипертрофированной идеализации южнославянских народов, отождествления их с «древними спартанцами» или богатырями, как делали это некоторые российские путешественники начала XIX в. на Балканы, писавшие в рамках дискурса «Славянства»¹⁶. Тем не менее, он находил в сербах носителей древней воинской доблести, которая бережно хранилась и передавалась новым поколениям посредством народных песен. Вместе с тем, за пять веков сербы «переродились под игом турок»: при отсутствии явной опасности они проявляли чудеса храбрости, однако как только оказывались в поле лицом к лицу с противником, поддавались паническому страху¹⁷. Сербь начала XIX века, по оценке Липранди, потеряли способность к наступательным действиям и теперь более склонны к партизанской войне. Этому способствовало наличие в Сербии множества гор и лесов при полном отсутствии дорог, что превращало все княжество в неприступную крепость. Для ведения войны на европейский манер сербам не доставало дисциплины и организованности, поэтому первоочередной задачей сербских правителей Липранди считал создание современной армии¹⁸.

Австрийских сербов Иван Петрович считал лучшей частью народа, «сохранившей более других природные свойства». С одной стороны, они во многом избежали негативного влияния турецкого владычества, а с другой — были носителями просвещения, к которому приобщились в австрийских владениях¹⁹. И если Карагеоргий со своими сторонниками должен был завоевать самостоятельность Сербии, то миссией воеводинских сербов было приобщить свой народ к достижениям европейской цивилизации, принести науки и искусства своим не имеющим охоты к просвещению соотечественникам²⁰. Отметим, что в изгнании австрийских сербов Карагеоргием Липранди видит одну из основных причин поражения Первого сербского восстания.

Таким образом в работах Липранди 1820–30-х гг. отражался дискурс «Османской империи» и привлекались концепты эпохи Просвещения. Сербь предстают как молодой народ, исторгнутый силой российского оружия из недр Османской империи на арену европейской истории. Этот народ, при поддержке России начавший дело освобождения славян от иноземного владычества, мог стать центром возрождения южнославянских народов и вместе со своей покровительницей вернуть их в христианскую европейскую цивилизацию. В работах 1820–30-х гг. еще не звучал мотив славянской взаимности, братства «крови и веры». Липранди верил, что сербские правители исключительно из чувства благодарности к России за ее бескорыстную помощь в деле освобождения Сербии должны избрать ее ориентиром в своей внешней и внутренней политике.

Тем не менее, Сербия не оправдала надежд Липранди. Уже в 1840-е гг. его отношение к сербам и их государству начало заметно меняться. Сербия двигалась по пути европеизации, удалялась от «варварства» и приближалась к «цивилизованному» состоянию.

¹⁶ *Броневский В. Б.* Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1836. Ч. I. С. 192; Письма А. И. Тургенева. 15 // Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. СПб., 1915. С. 53.

¹⁷ *Липранди И. П.* Опыт словоистолкователя Турецкой империи... Л. 168 об.

¹⁸ Там же. Л. 166.

¹⁹ Там же. Л. 171 об.

²⁰ Там же. Л. 172 об.

Однако существование в качестве автономного княжества не принесло ей стабильности и порядка. К 1850-м гг. в стране постоянно вспыхивали бунты и восстания, Милош Обренович был свергнут, а в княжестве установилось олигархическое правление уставобранителей, добивавшихся конституции²¹. Александр Карагеоргиевич взял открытый курс на сотрудничество с Австрией²². Более того, находясь под влиянием Австрии, вопреки ожиданиям России сербский князь предпочел соблюдать нейтралитет во время Крымской войны²³. С приходом к власти Александра Карагеоргиевича Австрия стала не только внешнеполитическим ориентиром для Сербии, но и образцом для проводимых реформ.

Липранди, отличавшийся консервативными и охранительными взглядами, и которому стало очевидно, что Сербия выходит из сферы влияния России, не мог с этим согласиться. Он полагал, что безрассудная политика правителей Сербии превратила государство в очаг нестабильности и яблоко раздора между великими державами. Изменение общей ситуации привело к изменению концепции описания им южных народов. Начались поиски теорий, в рамках которых европеизация Сербии выглядела бы как неверный, гибельный путь, а ориентация на Россию, напротив, как единственно правильный. На эту роль идеально подходила идеологема славянского братства.

К 1850-м гг., когда заговорили о Турции как о «больном человеке Европы», дискурс «Славянства» возобладавал в российском нарративе. Его утверждение было повсеместным. Даже политические и военные элиты Российской империи, забыв прежние положения Священного союза о нерушимости границ и об обязанности подданных повиноваться своему монарху, также взяли на вооружение идеи славянской взаимности²⁴. Теперь для Липранди сербы — не подданные турецкого султана, а часть Славянства, Россия же — «краеугольный камень всех славянских племен мира».

В 1850-е гг. он подготовил две работы, посвященные Сербии. Первая — секретная записка для И. Ф. Паскевича, написанная во время Крымской войны²⁵, вторая — замечания на статью о Сербии, опубликованные в «Северной пчеле» в 1859 г.²⁶ Обе представляют собой компиляцию материалов из словаря «Опыт словоистолкователя...», однако переосмысленных с учетом реалий военного и послевоенного времени. В них

²¹ Подробнее см.: Кудрявцева Е. П. Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в. // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1815 гг. СПб., 2005. С. 107.

²² Подробнее см.: Кудрявцева Е. П. Трансформация представлений о русском «покровительстве» в уставобранительской Сербии // Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологемы, религиозные, этнические и культурные связи. М., 2011. С. 47–57; Виноградов В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010. С. 277–278.

²³ Подробнее см.: Чуркина И. В. К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. М., 2017. С. 50.

²⁴ Подробнее см.: Чуркина И. В. К вопросу об организации восстания... С. 50

²⁵ Липранди И. П. Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи. Сербия // Открытие «братев-славян»: Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб., 2018. С. 491–506. — Рукопись хранится в НИОР РГБ. Ф. 203. П. 224. № 4.

²⁶ Липранди И. П. Сербский вопрос С.-Петербургских новостей // Северная Пчела. 1859. № 54, 56.

Липранди отходит от просвещенческой парадигмы линейного развития народов и склоняется к ориентации на Славянство как особый тип цивилизации, которая развивается по своим собственным законам. Не имея возможности исключить сербов из числа славянских народов, он всячески пытался их маргинализировать, показать, что они «исказили» или «утратили» исконные славянские добродетели.

Для этого Липранди прибегал к двум средствам артикуляции инаковости сербов. Первый — это ориентализация. В 1830-е гг. он объяснял «восточный» характер сербов долгим влиянием на них турецкого ига, что вселяло в Липранди уверенность в возможность исправления их нравов, возвращения к исконным славянским нравам. Однако в своих поздних работах Липранди писал, что сербы «утратили» или «исказили» все лучшие славянские ценности; он констатировал «укорененность» азиатских черт и, следовательно, невозможность исправить их путем приобщения к достижениям западных стран.

Второй способ подчеркнуть чуждость сербов заключался в утверждении о поверхностном характере их просвещенности. В своих поздних работах Липранди разводил понятия «просвещенный» и «европейский» и так пришел к убеждению, что славянские народы развиваются отличным от Европы путем. Поэтому миссию России, как единственной сильной и независимой славянской державы, он видел в приобщении всех других славянских народов к достижениям цивилизации. Сербские правители, избрав в качестве ориентира западные державы, нарушили естественное развитие, и сербы, став европейским народом только отчасти, остались, по сути, такими же «азиатами». Единственное, писал Иван Петрович, что помогло бы сербам обрести себя — возвращение в семью славянских народов — то есть, в интерпретации сторонников русского панславизма, под покровительство России. Липранди формирует образ княжества уже не как находящегося между варварством и цивилизацией, а как застрявшего между Западом и Востоком. Для него Сербия становится примером неудачной модернизации, государства, поверхностно усвоившего европейские достижения, но при этом не сумевшего изжить свои «восточные» черты.

В 1830-е гг. Липранди характеризовал сербов как многообещающий народ, который хотя и имел некоторые «пороки», но в большей степени сохранил свои былые традиции. В работах же второй половины XIX в. он изображал сербов исключительно в мрачных тонах: недисциплинированными, алчными, жестокими, лицемерными и суеверными. У них только «в некоторой степени» сохранились прежние добродетели — чистота нравов, непритворная дружба, почитание старших, — однако все это стало скорее показным, а гостеприимство Липранди теперь объяснял любовью к разгульной жизни и попойкам²⁷. Даже получение европейского образования не помогало сербам преодолеть пороки, а только усугубляло их. В статье читаем: «Ученый же серб личиною простодушия своего способен уловить в сети ученого европейского политика и всякого, кто не знает этих свойств и нравов»²⁸.

Липранди сомневался, что сербы могли бы оказать России помощь в войне с Турцией. Масштабные работы по улучшению путей сообщения в княжестве расценивались им как вредные, так как по территории Сербии с легкостью могли перемещаться

²⁷ Липранди И. П. Краткий очерк этнографического... С. 498.

²⁸ Там же. С. 500.

неприятельские армии, что делало ее крайне уязвимой. Кроме того, Липранди пишет: «Относительно военных способностей настоящих сербов нельзя ничего сказать в их пользу удовлетворительного»²⁹. После покорения турками сербам не предоставлялось возможности братья за оружие, кроме как для разбоя. Исследователь приписывает сербам те же качества, что прежде атрибутировал туркам: они не могли переносить трудностей военного времени, «непременно баклажки их должны быть полны; вместе с тем необходима еще и хорошая погода»³⁰. Особый акцент делается на то, что сербы не могут воевать без внешней побуждающей силы. Во время Сербских восстаний такой силой сначала были «бекары», а потом — российская армия.

Произошла ревизия взглядов Липранди и на австрийских сербов. Из «бóльших патриотов, чем даже сами туземцы» они превратились в западных агентов, основавших «австрийскую партию» в Сербии³¹, постоянно организующую заговоры против сербских князей. Именно они подготовили падение Карагеоргия и Милоша Обреновича. Вероятно, изменение отношения Липранди к воеводинским сербам связано с обострением австро-российских отношений в 1850-е гг. Именно в этот период в его работах появляется мотив «западной пропаганды» и австрийских амбиций на Балканах, исследователь пишет: «Следует заметить еще и то, что в Сербии успели уже засеять семена пропаганды, что немало будет содействовать к ее бедствиям»³². Липранди хотел показать, что Сербия, подпав под влияние Австрии, пошла по ложному пути развития. Политику князей, ориентирующихся на западные державы, он рассматривает как «преждевременное и насильственное просвещение»³³, не помогающее избавиться от пережитков османского владычества и извращающее все лучшие качества сербского народа.

В работах 1850-х гг. появился еще один лейтмотив — это противопоставление сербов болгарам, интерес к которым российскими элитами и общественностью начал проявляться именно в период Крымской войны³⁴. Это обуславливалось в том числе необходимостью поиска союзников на Балканах. В построениях российских панславистов начинает формироваться образ болгар как самого близкого для русских народа, от которого пришла письменность и христианская культура. Более того, идеологи имперского панславизма находили примеры существования болгаро-русского царства в прошлом: гуннская империя или «объединение» двух народов под властью Святослава³⁵. Теперь и Иван Петрович Липранди смотрит на сербов через призму русско-болгарских отношений. В частности, он предупреждает, что нежелательно иметь сербов при армии, так как их появление «между болгарами ожесточает последних»³⁶; отмечает, что Болгары,

²⁹ Там же. С. 503.

³⁰ Там же. С. 504.

³¹ Там же. С. 501.

³² Там же. С. 506.

³³ Там же. С. 499.

³⁴ См.: Удунян А. А. Российская периодическая печать времен Крымской войны 1853–1856 гг. о Болгарии и болгарях // Россия и Балканы: Из истории общественно-политических связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995. С. 163–207.

³⁵ В этом вопросе они шли в первую очередь за Ю. И. Венелиным и А. Ф. Вельтманом. См.: Вацуро В. Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов // Избранные труды. М., 2004. С. 556–596.

³⁶ Липранди И. П. Краткий очерк этнографического... С. 505.

«чуждые радоманства сербов», были лучшими бойцами в его отряде в 1829 году. В 1859 г. Липранди указывает, что «главными виновниками побед сербских» во время восстаний были болгарские гайдуки³⁷.

Особенно явно противопоставление сербов и болгар проявилось в работе «Восточный вопрос и Болгария» (1868 г.)³⁸. Как видно из названия, в этой статье он пытался показать то огромное значение, которое имела Болгария для успешного решения Восточного вопроса в пользу России. Для Липранди Болгария стала ключом к установлению Россией контроля над проливами, а Сербия — помехой на пути достижения поставленной цели.

В статье «Восточный вопрос...» сербы представлены как антипод болгарам. Если в глазах Липранди болгары сохранили все лучшие древние качества — они были трудолюбивыми земледельцами, отличались набожностью и почитали семью высшей ценностью, то характер и нравы сербов «искажены», они не помышляли ни о чем, кроме как о спокойствии и увеличении своего богатства. Следовательно, Сербия незаслуженно получила самоуправление, только счастливое стечение обстоятельств освободило ее от турецкого ига³⁹. В то же время болгары — самый многочисленный и несправедливо забытый народ на Балканах. Главный посыл автора таков, что Болгария являлась естественным союзником империи на Балканах: она осталась «классической» для России страной и в отличие от Сербии, которая подпала под «губительное» влияние Запада, сохранила традиционные славянские ценности.

В 1860-е гг. Липранди окончательно сформировал образ Сербии как государства, не принадлежащего ни Востоку, ни Западу. Слепое подражание европейским державам, попытки построения Великой Сербии оторвали ее от Славянства. Выбранный Сербией путь построения национального государства также усугубил ее вражду с другими балканскими народами. Еще в 1830-е гг. Иван Петрович указывал на опасность пути национального обособления сербов, который предлагал Караджич. Теперь исследователь описывал последствия этой политики. И если раньше, по его словам, вражда между балканскими народами передавалась от поколения к поколению устно, то во второй половине XIX века южнославянские народы скорее готовы были бы пойти на союз с турками, нежели с сербами. Липранди пишет: «...начали появляться исторические отрывки, в голове которых был недавно умерший Вук Стефанович Караджич. Такая закваска воинственных, более или менее живых, племен, не могла не только что не питать взаимной ненависти одного к другому, но более и более разжигать ее»⁴⁰.

Липранди был убежден, что сербы неспособны преодолеть свое «азиатское» прошлое. Их ориентальные черты, которые прежде объяснялись долговременным турецким влиянием, в 1860-е гг. описывались уже как неотъемлемые качества, «природные свойства». Пытаясь согласовать мифологему Славянства как единого субъекта истории с независимой политикой Сербского княжества, Иван Петрович признавал сербов частью семьи славянских народов, однако всячески акцентировал их инаковость, указывал

³⁷ Липранди И. П. Сербский вопрос... 1859. № 56. С. 221.

³⁸ Липранди И. П. Восточный вопрос и Болгария // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 1. М., 1868.

³⁹ Липранди И. П. Восточный вопрос... С. 23.

⁴⁰ Там же.

с одной стороны, на укорененность их «азиатских» черт, а с другой — на поверхностную европеизацию.

Обобщая те изменения, которые претерпел образ сербов в работах Липранди, можно достаточно четко выделить три периода. В 1820–1830-е гг. Иван Петрович видел в Сербии потенциальный центр возрождения для славян Османской и Австрийской империй. Избавившись от «пережитков» турецкого владычества, руководимые просвещенными князьями и покровительствуемые Россией, сербы должны были занять подобающее им место в семье европейских народов, а также стать опорой российской политики на Балканах. Для второго периода (с 1840-х до середины 1850-х гг.) характерно возрастающее недоверие Липранди к политике сербских князей, ориентирующихся на западные державы. Он писал, что сербы «исказили» и «утратили» исконные славянские ценности из-за своей оторванности от их хранительницы — России. После Крымской войны, когда в правящих кругах произошел отказ от традиционного проавстрийского курса в пользу славянской политики, Липранди усилил свою риторику против сербов. Они изображались как «зablудшие» братья, которые силой обстоятельств были освобождены от турецкого ига, но вместо того, чтобы войти в «Славянскую Православную семью», предводительствуемую российским монархом, обратились к западным державам. Сербия стала восприниматься как пример славянского государства, искусственно пытающегося разорвать связь с общеславянским стволом. Вместо того чтобы стать частью славянского мира, она пыталась реализовать альтернативные проекты Великой Сербии. В поздних работах Липранди Сербия изображается как неудачный пример модернизации, когда народ потерял свои лучшие качества, но не смог в полной мере приобщиться к достижениям европейской цивилизации.

Информация о статье

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90033 ««Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» И. П. Липранди и образ Османской империи в российском нарративе первой–третьей четверти XIX в.»

Автор: Касаткин, Константин Александрович — инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kasatkin1825@gmail.com, OrcID 0000-0003-3541-3377

Заголовок: Образ сербов в работах И. П. Липранди 1830–1860-х годов

Резюме: В данной статье, на примере опубликованных и неопубликованных работ Ивана Петровича Липранди (1790–1880) прослеживается эволюция образов сербов и Сербии в период 1830–1860 гг. Липранди занимался изучением Османской империи и Балкан в течение 50 лет и уже современники признавали его одним из крупнейших российских специалистов по истории и культуре европейских областей данного региона. Его взгляды за 40 лет претерпели существенные изменения, а сам он прошел путь от исполнительного чиновника, собиравшего «объективную» информацию о южных славянах до убежденного сторонника имперского панславизма. В 1830-е гг. Ивана Петровича можно охарактеризовать как представителя «практического» славяноведения. Находясь на Юге России, он занимался сбором сведений о народах Балканского полуострова для своего начальства. Основываясь на просвещенческой парадигме, Липранди был убежден, что Сербия, получив самостоятельность, должна была стать проводником российского влияния на Балканах. В свою очередь, империя помогла бы сербам избавиться от «пережитков» османского владычества и войти в семью просвещенных народов. Однако, в 1840–1850-е гг. стало очевидно, что внешнеполитическими ориентирами для сербских князей стали западные державы. Одновременно происходило сближение Липранди со сторонниками имперского панславизма (А. Ф. Вельтман). В результате, во второй половине XIX в. взгляды Ивана Петровича на сербов претерпели существенные изменения. Он отошел от риторики Просвещения и писал о сербах, как о народе, который утратил лучшие черты славян. Липранди ориентализировал сербов и приписывал им все негативные качества, которые прежде атрибутировал лишь туркам.

В результате, в работах Липранди 1860-х гг. в описаниях сербов преобладают крайне негативные коннотации, Сербия изображается как неудачный пример модернизации, когда народ потерял свои лучшие качества, но не смог в полной мере приобщиться к достижениям европейской цивилизации.

Ключевые слова: Иван Петрович Липранди, Сербия, сербы, Балканы, панславизм, идентичность, образ народов, этнические категории, этничность

Литература, использованная в статье:

Белов, Михаил Валерьевич. На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешествий на Балканы первой половины XIX века // Открытие «братьев-славян»: Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. С. 517–604.

Белов, Михаил Валерьевич. Перекрестная история «славянской взаимности» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 51–62.

Вацуро, Вадим Эразмович. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов // Избранные труды. Москва: Языки славянских культур, 2004. С. 556–596.

Виноградов, Владимир Николаевич. Двуглавый российский орел на Балканах: 1683–1914. Москва: Индрик, 2010. 480 с.

Достян, Ирина Степановна. Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. Москва: Наука, 1980. 328 с.

Зорин, Андрей Леонидович. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.

Ишутин, Вадим Валерьевич. Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 85–94.

Касаткин, Константин Александрович. Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в. // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 237–246.

Кудрявцева, Елена Петровна. Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в. // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1815 гг. / Отв. ред. Волков, Владимир Константинович. Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. С. 100–112.

Кудрявцева, Елена Петровна. Трансформация представлений о русском «покровительстве» в уставобранительской Сербии // Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологемы, религиозные, этнические и культурные связи. Москва: Российская академия наук, 2011. С. 47–57.

Павленко, Ольга Вячеславовна. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.

Таки, Виктор. Царь и Султан. Османская империя глазами россиян. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 320 с.

Тесля, Андрей Александрович. «Славянский вопрос» в публицистике М. П. Погодина 1830–1850-х гг. // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1. С. 117–138.

Титова, Людмила Николаевна. Ян Коллар о славянах // Автопортрет славянина. Москва: Индрик, 1999. С. 180–189.

Улунян, Артем Акопович. Российская периодическая печать времен Крымской войны 1853–1856 гг. о Болгарии и болгарях // Россия и Балканы: Из истории общественно-политических связей (XVIII в. – 1878 г.). / Под ред. И. С. Достян. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 163–207.

Цимбаев, Николай Иванович. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013. 447 с.

Чуркина, Искра Васильевна. К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. / Отв. ред. Данченко, Светлана Ивановна. Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 47–64.

Arato, Endre. The Slavic Thought: its Varieties with the Slavonic Peoples in the First Half of the 19th Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 22. No. 1/2. P. 73–98.

Marker, Gary. The Westernization of the Elite, 1725–1800 // *A Companion to Russian History* / Ed. Abbott Gleason. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. P. 180–195.

Omel'chenko, Oleg Anatolyevich. The System of State and Law in Eighteenth-Century Russia and the Political Culture of Europe: Some Historical Interactions // *The Slavonic and East European Review*. 2002. Vol. 80. No. 2. P. 217–233.

Taki, Victor. From partisan war to the ethnography of European Turkey: The Balkan career of Ivan Liprandi, 1790–1880 // *Canadian Slavonic Papers*. 2016. Vol. 58. No. 3. P. 257–285.

Taki, Victor. Orientalism on the Margins: The Ottoman Empire under Russian Eyes // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. No. 2. P. 321–351.

Information about the article

The reported study was funded by RFBR, project number № 19-39-90033 «The experience of the interpreter of the Ottoman Empire...» by I. P. Liprandi and the image of the Ottoman Empire in the Russian narrative from the first till the third quarters of the 19th century.

Author: Kasatkin, Konstantin Aleksandrovich — Research Engineer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: kasatkin1825@gmail.com, OrcID 0000-0003-3541-3377

Title: The image of the Serbs in the works of I. P. Liprandi of the 1830–1860s

Summary: Based on published and unpublished works of Ivan Petrovich Liprandi (1790–1880), this article considers evolution of the images of Serbs and Serbia in the period 1830–1860. Liprandi was studying the Ottoman Empire and the Balkans for 50 years and he was recognized by contemporaries as one of the foremost experts on the history and culture of the European regions of the Ottoman Empire. During the 1830-1860s his views underwent significant changes, and Liprandi went from an executive officer, collecting ‘objective’ information about the southern Slavs, to a staunch supporter of imperial pan-Slavism. In the 1830s Ivan Petrovich can be described as a representative of ‘practical’ Slavic studies. Being in the south of Russia, he was gathering information on the peoples of the Balkan Peninsula for his superiors. Based on the Enlightenment paradigm, Liprandi was convinced that independent Serbia should become a conductor of Russian influence in the Balkans. In turn, the empire would help the Serbs get rid of the ‘remnants’ of Ottoman rule and join the family of enlightened nations. However, by the middle of 19th it had become obvious that Serbia preferred to be Western-oriented in its foreign policy. At the same time, Liprandi became to be in close to supporters of imperial pan-Slavism (A.F. Veltman). As a result, Ivan Petrovich’s views on the Serbs underwent significant changes in the second half of the 19th century. He departed from the rhetoric of the Enlightenment and wrote about the Serbs as a nation who had lost the best features of the Slavs. Liprandi orientalised the Serbs and attributed to them all the negative qualities that previously attributed only to the Turks. As a result, in the works of Liprandi in the 1860s in descriptions of Serbs, extremely negative connotations prevailed and Serbia was portrayed as an unsuccessful example of modernization, as a result of which people lost their best qualities but could not fully join the achievements of European civilization.

Keywords: Ivan Petrovich Liprandi, Serbia, Serbs, the Balkans, pan-Slavism, history description, identity, image of peoples, ethnic categories, ethnicity

References:

Arato, Endre. The Slavic Thought: Its Varieties with the Slavonic Peoples in the First Half of the 19th Century, in *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 22. No. 1/2. Pp. 73–98.

Belov, Mikhail Valeryevich. Na puti k slavyanskomu bratstvu... Pretvorenie opyta russkikh puteshestviy na Balkany pervoy poloviny XIX veka [On the way to the Slavic brotherhood... The implementation of the experience of Russian travel to the Balkans of the first half of the 19th century], in *Otkrytie «brat'yev-slavyan»: Russkie puteshestvenniki na Balkanakh v pervoy polovine XIX veka*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018. Pp. 517–604. (in Russian).

Belov, Mikhail Valeryevich. Perekrestnaya istoriya «slavyanskoy vzaimnosti» [Cross history of Slavic reciprocity], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 2 (22). Pp. 51–62. (in Russian).

Churkina, Iskra Vasilyevna. K voprosu ob organizatsii vosstaniya slavyan vo vremena Krymskoy voyny 1853–1856 gg. [On the organization of the Slavic uprising in the Balkans during the Crimean War of 1853–1856], in Danchenko, Svetlana Ivanovna (ed.). *Slavyane i Rossiya: Problemy voyny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv.* Moscow: Institute of Slavic Studies (RAS), 2017. Pp. 47–64. (in Russian).

Dostyan, Irina Stepanovna. *Russkaya obshchestvennaya mysl' i balkanskie narody: Ot Radishcheva do dekabristov* [Russian public thought and the Balkan peoples. From Radishchev to the Decembrists]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 328 p. (in Russian).

Ishutin, Vadim Valeryevich. Ivan Petrovich Liprandi (1790–1880), in *Sovetskoe slavyanovedenie*. 1989. No. 2. Pp. 85–94. (in Russian).

Kasatkin, Konstantin Aleksandrovich. Sposoby opisaniya slavyanskikh oblastey Osmanskoj imperii rosiyskimi puteshestvennikami v pervoy treti XIX v. [Slavic regions of Ottoman Empire described by Russian

- travellers in the first third of the 19th century], in *Slavyanskiy al'manakh*. 2017. No. 1–2. Pp. 237–246. (in Russian).
- Kudryavtseva, Elena Petrovna. Russkaya diplomatiya i plany gosudarstvennogo ustroystva Serbii v pervoy polovine XIX v. [Russian diplomacy and plans for the state structure of Serbia in the first half of the 19th century], in Volkov, Vladimir Konstantinovich (ed.). *Dvesti let novoy serbskoy gosudarstvennosti: K yubileyu nachala Pervogo serbskogo vosstaniya 1804–1815 gg.* St. Petersburg: «Aletheia» Publ., 2005. Pp. 100–112. (in Russian).
- Kudryavtseva, Elena Petrovna. Transformatsiya predstavleniy o russkom «pokrovitel'stve» v ustavobranitel'skoy Serbii [Transformation of ideas about Russian «patronage» in Ustavobranitel'jis' Serbia], in *Obraz Rossii na Balkanakh: Mifologemy, ideologemy, religioznye, etnicheskie i kul'turnye svyazi*. Moscow: The Russian Academy of Sciences Press, 2011. Pp. 47–57. (in Russian).
- Marker, Gary. The Westernization of the Elite, 1725–1800, in Gleason, Abbott (ed.). *A Companion to Russian History*. Chichester: Wiley-Blackwell Publ., 2009. Pp. 180–195.
- Omel'chenko, Oleg Anatolyevich. The System of State and Law in Eighteenth-Century Russia and the Political Culture of Europe: Some Historical Interactions, in *The Slavonic and East European Review*. 2002. Vol. 80. No. 2. Pp. 217–233.
- Pavlenko, Olga Vyacheslavovna. Panslavizm i ego modeli [Panslavism and its models], in *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2016. No. 5. Pp. 3–15. (in Russian).
- Taki, Victor. From partisan war to the ethnography of European Turkey: The Balkan career of Ivan Liprandi, 1790–1880, in *Canadian Slavonic Papers*. 2016. Vol. 58. No. 3. Pp. 257–285.
- Taki, Victor. Orientalism on the Margins: The Ottoman Empire under Russian Eyes, in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. No. 2. Pp. 321–351.
- Taki, Viktor. *Tsar' i Sultan: Osmanskaya imperiya glazami rossiyan* [Tsar and Sultan: Russian Encounters with the Ottoman Empire]. Moscow: New Literary Review Publ., 2017. 320 p. (in Russian).
- Teslya, Andrey Aleksandrovich. «Slavyanskiy vopros» v publitsistike M. P. Pogodina 1830–1850-kh gg. [«The Slavic Question» in Pogodin's Publicism (1830–1850s)], in *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. 2014. Vol. 13. No. 1. Pp. 117–138. (in Russian).
- Titova, Lyudmila Nikolaevna. Yan Kollar o slavyanakh [Jan Kollar on the Slavs], in *Avtoportret slavyanina*. Moscow: Indrik Publ., 1999. Pp. 180–189. (in Russian).
- Tsimbaev, Nikolay Ivanovich. *Slavyanofil'stvo: Iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX v.* [Slavophilia: From the history of Russian social and political thought of the 19th century]. Moscow: The State Public Historical Library of Russia Publ., 2013. 447 p. (in Russian).
- Ulunyan, Artem Akopovich. Rossiyskaya periodicheskaya pechat' vremen Krymskoy voyny 1853–1856 gg. o Bolgarii i bolgarakh [The Russian periodical press of the times of the Crimean War of 1853–1856 about Bulgaria and the Bulgarians], in Dostyan, Irina Stepanovna (ed.). *Rossiya i Balkany: Iz istorii obshchestvenno-politicheskikh svyazey (XVIII v. – 1878 g.)*. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies (RAS) Press, 1995. Pp. 163–207. (in Russian).
- Vatsuro, Vadim Erazmovich. Bolgarskie temy i motivy v russkoy literature 1820–1840-kh godov [Bulgarian themes and motives in Russian literature of the 1820–1840s], in *Izbrannye trudy*. Moscow: «Languages of Slavic cultures» Publ., 2004. Pp. 556–596. (in Russian).
- Vinogradov, Vladilen Nikolaevich. *Dvuglaviy rossiyskiy orel na Balkanakh: 1683–1914* [Double-headed Russian eagle in the Balkans: 1683–1914]. Moscow: Indrik Publ., 2010. 480 p. (in Russian).
- Zorin, Andrey Leonidovich. *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX v.* [Feeding the Two-headed Eagle. Russian Literature and State ideology in the last third of the 18th – the first third of the 19th century]. Moscow: New Literary Review Publ., 2004. 416 p. (in Russian).